

СТРУКТУРА ВОЙСКА НАСЕЛЕНИЯ ДОНО-ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII – НАЧАЛЕ X ВЕКА

С. И. Владимиров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2016 г.

Аннотация: *рассматривается состав войска и состав вооружения групп населения Доно-Донецкого региона второй половины VIII – начала X в., практиковавших разные погребальные обряды.*

Ключевые слова: *вооружение, войско, салтово-маяцкая культура, Доно-Донецкий регион.*

Abstract: *this paper examines a composition of the army and a composition of the weapon of peoples, which used different funeral rites and lived in Don-Donetsk region in the second half VIII – beginning X centuries.*

Key words: *weapon, army, saltovo-mayatski culture, Don-Donetsk region.*

Одним из видов археологических источников является оружие или более широко комплекс вооружения, изучение которого позволяет решать ряд вопросов, связанных с историей населения юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Рассмотрим структуру войска. Состав войска отражает воинские традиции, сложившиеся в обществе в течение определенного времени и под действием различных факторов, а также позволяет судить о тактике ведения боя. С этой точки зрения особую ценность изучение состава войска приобретает для народов, чья история не получила слабого отражения в письменных источниках. К таким народам относится население юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья, входившее в состав Хазарского каганата.

Попытки определить структуру войска населения салтово-маяцкой культуры предпринимались с самого начала изучения древностей данной культуры [1, с. 443]. В дальнейшем некоторые исследователи также обращались к проблеме состава войска населения салтово-маяцкой культуры как в обобщающих [2, с. 142–143; 3, с. 170], так и в специальных работах [4, с. 110; 5, с. 60].

В силу отсутствия письменных сведений основой для изучения состава войска являются археологические источники, а именно предметы вооружения, найденные в погребальных комплексах. При этом допускается возможность того, что нахождение оружия в погребениях не всегда было связано с правом собственности и принадлежало погребенному при его жизни. Следовательно, наборы оружия из погребений не всегда являются аналогичными тем наборам, которые принадлежали воинам при жизни. На это исследователи уже обращали свое внимание [4, с. 112;

6, с. 41]. Тем не менее статистический анализ погребального инвентаря, содержащего предметы вооружения, способен, на наш взгляд, выявить вполне реальные для изучаемого времени наборы вооружения воинов.

Наборы вооружения рассматриваются отдельно для населения, оставившего катакомбные, ямные и кремационные погребения. Это позволит выделить специфику наборов для каждого из перечисленных обрядов погребения, а затем выделить общие черты, присущие населению северо-западных территорий Хазарского каганата. Источниковая база включает в себя 174 катакомбных погребения, 49 ямных, 50 трупопожженных и связанных с ними поминальных комплексов. Во всех учтенных комплексах были найдены предметы вооружения.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание при анализе катакомбных погребений, это невысокий процент комплексов с деталями упряжи (стремена, удила, детали сбруи, начельник). Упряжь была обнаружена в 25 погребениях из 174, т. е. в 14 % учтенных погребений, что позволяет говорить о преимущественно пешем составе войска населения, оставившего катакомбные могильники. Наиболее распространенным оружием в комплексах с упряжью оказался боевой топор, обнаруженный в 16 погребениях. Следовательно, находит подтверждение предположение Н. Я. Мерперта о возможности применения топоров всадниками, сделанное им на основе материалов Верхнесалтовского могильника [2, с. 143].

В целом, наиболее распространенным видом оружия рассматриваемого населения был топор, встреченный в 155 погребениях, что составляет почти 89 %. При этом в 126 (81 %) случаях топор был единственным оружием при погребенном.

Вторым по распространенности после топоров было дистанционное оружие (археологически представлено накладками на лук, наконечниками стрел,

детальями колчана), обнаруженное в 33 погребениях (19 %). При этом в 11 случаях дистанционное оружие было единственным в погребении, что позволяет предположить существование лучников, преимущественно пеших, так как только в двух погребениях из одиннадцати обнаружены детали упряжи. Наличие пеших лучников в войске рассматриваемого населения косвенно подтверждается изображениями на блоках Маяцкой крепости [7, табл. II, 27, 30].

Что касается клинкового оружия, то оно встречено в 21 погребении – 12 %. Заслуживает внимания отсутствие связи между находками в погребении клинкового оружия и деталей упряжи. Всего лишь восемь клинков из 21 находилось в комплексах с деталями конского снаряжения, т. е. 38 %. Если не все, то большая часть оставшихся захоронений с клинками могла принадлежать пешим воинам. В связи с этим следует отметить наблюдение У. Ю. Кочкарова, считающего, что сабли VIII–X вв. могли использоваться как конными, так и пешими воинами [8, с. 39], а также предположение П. С. Успенского о том, что сабля не являлась исключительным атрибутом воина-всадника и могла использоваться пешими воинами [9, с. 215].

Менее распространенным оружием оказались кистени, встреченные в 6 случаях (3 %). При этом большинство из них, а именно 5 экземпляров, найдены в комплексах без деталей конской упряжи. Во всех погребениях кистени сопровождалась иным оружием, что говорит о применении данного оружия в качестве дополнительного. Подобный вывод был сделан также на материале волжских болгар VIII–X вв. [10, с. 114].

Кинжал был обнаружен лишь в одном погребении, как и наконечник копья.

Таким образом, войско населения салтово-маяцкой культуры, оставившее катакомбные погребения, можно охарактеризовать как преимущественно пешее с присутствием конницы, что подтверждается, например, антропологическими данными по специфике травм населения Маяцкого комплекса [11, с. 75]. Наиболее распространенным оружием как среди пеших, так и среди конных воинов был топор. Для данного населения не подтверждается отождествление погребения, сопровождаемого саблей, с погребением конного воина. Это позволяет говорить об использовании раннесредневековых сабель в том числе и пежими воинами. Не удалось выделить каких-либо устойчивых наборов оружия, позволивших бы говорить о существовании развитой специализации воинов.

При рассмотрении погребений, совершенных по обряду кремации, и связанных с ними поминальных комплексов заслуживает внимания высокий процент захоронений, сопровождаемых деталями конской упряжи. Они составляют 35 погребений из 50, иначе говоря, 70 % от исследуемой выборки.

В целом наиболее распространенным оружием у рассматриваемого населения был топор, встреченный в 27 погребениях (54 %). При этом в 20 случаях топоры находились в комплексах с деталями конской упряжи, т. е. были характерны для конных воинов.

Наконечники копий обнаружены в 23 погребениях (46 %). Копья, как и топоры, входили в состав вооружения конных воинов, так как 19 из 23 наконечников копий находились в комплексах с деталями конской упряжи.

Клинковое оружие было найдено в 16 погребениях, что составляет 32 %. Следует обратить внимание на то, что все клинки были обнаружены в комплексах с деталями конской упряжи. Иначе говоря, для населения Доно-Донецкого региона, практиковавшего обряд трупосожжения, клинки являлись оружием исключительно конных воинов.

В 19 погребениях (38 %) находились остатки дистанционного оружия. При этом в 8 погребениях это было единственное оружие.

Менее распространенными видами оружия среди рассматриваемого населения были кинжал, обнаруженный в одном комплексе, и кистени, встреченные в 6 погребениях (12 %). Кистени были найдены в комплексах с деталями конской сбруи и без них, при этом в большинстве случаев, а именно в 5, кистень являлся единственным оружием в погребении.

Исходя из вышесказанного, войско населения Доно-Донецкого региона, практиковавшего обряд трупосожжения, можно определить как конное, с небольшой частью пехоты. Оружием пеших воинов чаще всего был топор и дистанционное оружие. Конные воины практически в равной степени были вооружены топорами и копьями, а также клинковым и дистанционным оружием. При этом наконечники копий всегда сопровождалась иным оружием ближнего боя (топор, клинковое оружие). Однако устойчивых наборов, как и в случае с катакомбными погребениями, для кремаций выявить не удалось.

Анализируя состав погребального инвентаря ямных захоронений с оружием, следует отметить, что в 27 из 49 погребений находились детали конского снаряжения (55 %).

Наиболее распространенным оружием в захоронениях населения, практиковавшего ямный обряд погребения, были наконечники копий, обнаруженные в 30 комплексах (61 %). В отличие от кремационных погребений здесь мы наблюдаем более высокий процент комплексов, в состав которых входили наконечники копий, но без деталей упряжи – 11 из 30 (37 %).

В 19 погребениях (39 %) было найдено дистанционное оружие. В 10 случаях это было единственное оружие в комплексе.

Клинковое оружие встречено в 9 погребениях (18 %). Из них в 6 случаях оно было найдено в ком-

плексах с деталями упряжи. В данном случае мы не можем полностью исключать возможность применения клинкового оружия, в частности раннесредневековых сабель, пешими воинами.

Слабое распространение в войске населения, практиковавшего ямный обряд погребения, получили топоры, обнаруженные всего лишь в 7 комплексах (14 %). Традиционно оказались слабо распространены кистени, также найденные в 7 комплексах (14 %), что сближает этот показатель с данными по кремационным погребениям. При этом кистени находились в комплексах как с деталями конской упряжи, так и без них. В трех случаях кистень был единственным оружием в погребении.

Таким образом, войско населения, практиковавшего ямный обряд погребения, состояло преимущественно из конных воинов. Однако не малую роль в составе войска играла и пехота. Основным оружием всадников были копья и дистанционное оружие, реже клинковое оружие и топор. В наборе оружия пеших воинов также чаще всего были встречены наконечники копий и дистанционное оружие, в состав набора оружия входили топоры и клинковое оружие. Кистень был на вооружении как пеших, так и конных воинов.

В результате можно заключить, что войско населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, было в большей степени пешим, с небольшим количеством конных воинов, в то время как войско населения, оставившего кремации, было конным, но с небольшой долей пехоты. В этом смысле состав войска является более определенным для носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения по сравнению с населением, практиковавшим ямный обряд погребения.

Состав войска «ямников» выглядит в данном случае эклектичным. Причиной этого, на наш взгляд, могло оказаться переселение части данного населения из степной полосы в лесостепь, где они оказались в иной культурной среде в ситуации «вынужденных апокрийцев» [12, с. 43; 13, с. 122]. Соответственно, данное население могло испытывать влияние со стороны носителей катакомбного и кремационного обряда погребения, что не могло не отразиться на составе войска и наборе оружия.

Между тремя рассматриваемыми группами населения салтово-маяцкой культуры наблюдаются отличия в наборе вооружения воинов. Так, для набора вооружения носителей катакомбного обряда погребения был характерен, прежде всего, боевой топор, а также клинковое и дистанционное оружие при практически полном отсутствии копий. Для населения, практиковавшего кремационный обряд погребения, топоры и копья были почти одинаково распространены, в набор вооружения воинов также

входили клинковое и дистанционное оружие. В состав вооружения войска носителей ямного обряда погребения входили, прежде всего, копья, клинковое и дистанционное оружие, редко в погребениях был встречен боевой топор. Слабое распространение в рассматриваемых группах, а следовательно, и у всего населения салтово-маяцкой культуры, получили кистени, еще реже воины использовали кинжалы.

Что касается причин, обусловивших различия в составе войск и наборах вооружения у групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших различные погребальные обряды, то главной, на наш взгляд, является отличие в воинских традициях, сложившихся у рассматриваемых групп населения до их переселения в Доно-Донецкий регион в середине VIII в. При этом не исключается влияние природно-географического и внешнеполитического факторов на выявленные различия в составе войска и наборе вооружения групп населения салтово-маяцкой культуры. Однако выяснение роли этих факторов требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России / В. А. Бабенко // Труды XV археологического съезда в Новгородѣ 1911 г. – Т. 1. – М., 1914. – С. 435–445.
2. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье / Н. Я. Мерперт // СА. – 1955. – Т. XXIII. – С. 131–168.
3. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева // МИА СССР. – № 142. – М.; Л.: Изд-во ИА РАН, 1967. – 200 с.
4. *Крыганов А. В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) / А. В. Крыганов // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1989. – С. 98–114.
5. *Крыганов А. В.* Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння / А. В. Крыганов // Археологія. – 1993. – № 2. – С. 52–62.
6. *Кирпичников А. Н.* Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // САИ. – Вып. Е1-36: Древнерусское оружие. Вып. 3. – М.; Л.: Наука, 1971. – 148 с.
7. *Флерова В. Е.* Граффити Хазарии / В. Е. Флерова. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 176 с.
8. *Кочкаров У. Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя) / У. Ю. Кочкаров. – М.: ТАУС, 2008. – 176 с.
9. *Успенский П. С.* Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук / П. С. Успенский. – М.: ИА РАН, 2015. – 458 с.

10. *Измайлов И. Л.* Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. / И. Л. Измайлов // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань : Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала академии наук СССР, 1989. – С. 107–121.

11. *Бужилова А. П.* Палеопатологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса / А. П. Бужилова // РА. – 1995. – № 4. – С. 68–76.

12. *Красильников К. И.* Праболгары в военно-административных структурах Хазарского каганата (отдельные сюжеты из археологии) / К. И. Красильников // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ : тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – М., 2012. – С. 42–43.

13. *Красильников К. И.* «Булг-р... все они мне служат и платят мне дань» (некоторые археологические комментарии) / К. И. Красильников // Дивногорский сборник. – Воронеж : Научная книга, 2016. – Вып. 6. – С. 112–125.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

*Воронежский государственный университет
Владимиров С. И., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: sergeihistory@mail.ru
Тел.: 8-920-412-09-52*

*Voronezh State University
Vladimirov S. I., Post-graduate Student of the Archeology and History of the Ancient World Department
E-mail: sergeihistory@mail.ru
Tel.: 8-920-412-09-52*